

УДК 94(470+571) |16|+929ГАГАРИН-ГУСЕВ
DOI 10.52452/19931778_2023_3_27

КНЯЗЬ СИЛА-ПЬЯНОЙ ИВАНОВИЧ ГАГАРИН В ПЕРИПЕТИЯХ СМУТЫ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ)

© 2023 г.

Я.Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

RabinovichYN@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.03.2023

Представлен опыт реконструкции биографии одного из малоизвестных героев Смутного времени, князя Силы Ивановича Гагарина. Для реконструкции были использованы все доступные источники и достоверные сведения из историографии. Удалось восстановить три эпизода биографии князя, связанные со службой Силы Гагарина в сибирском городе Таре, его участием в обороне Ярославля и в организации обороны Переславля. Эти эпизоды помещены в исторический контекст формирования национально-освободительного движения в Смутное время. Рассмотрены методические вопросы изучения биографий периода Смуты.

Ключевые слова: воевода, Смутное время, Сила Иванович Гагарин, русско-калмыцкие отношения, разрядные записи, оборона Ярославля, дневник Яна Сапеги, биография.

Постижение Смуты началось, наверное, сразу после её завершения, которое можно датировать концом второго десятилетия XVII в. Оно проявилось и в «Новом летописце», и в «Повести о победе Московского царства», в Латухинской Степенной книге и пр. И вот уже более 400 лет этот процесс не прекращается, проявившись и в академической традиции. При его длительности и достижениях надо отметить, что до нашего времени преобладали, так сказать, определённые константы исследования. Упор делался на 1) изучение биографий первых лиц Смуты, преимущественно тех, кто, в конце концов, определил победную сторону (Прокопий Ляпунов, Иван Сусанин, Кузьма Минин, князь Дмитрий Пожарский, Скопин-Шуйский и, как неизбежность, И.И. Болотников, Лжедмитрий I и др.); 2) выстраивание магистральной «событийной линии» (бедствия страны и народа, самозванчество – «дворцовые перевороты» – восстание И.И. Болотникова (в советское время) – Лжедмитрий II – польская и шведская интервенция – оборона Троице-Сергиева монастыря и подвиг Гермогена (до 1917 г. и после 1991 г.) – оборона Смоленска – Первое Ополчение и его крах – Ополчение Минина и Пожарского – освобождение Москвы – выборы Михаила Романова – преодоление Смуты; 3) помещение Смуты в систему идеолого-политических координат (патриотизм и измена, порядок и хаос, власть и общество, борьба с внешними враждебными силами, демократические начала и монархия (Н.И. Костомаров), классовая борьба и защита Родины (в советское время)).

Такие акценты сыграли важную роль в развитии историографии Смутного времени. Однако они же долго и препятствовали постановке других важных исследовательских проблем. Лишь в постсоветское время началось изучение факторов истории Смутного времени, имевших объективный характер и определивших выживание России, её культуры в период системного кризиса. Эти факторы, имеющие «большую глубину» и инерционность, выражались в действии основополагающих политико-социальных структур. Таковой, например, оказалась приказная система: политический выбор основной массы её аппарата предопределил успех движения Первого и Второго ополчений [1]. Весьма перспективным оказалось изучение поведения, мотивации больших, осознающих свою коллективную идентичность групп, проявившихся на всех землях, затронутых Смутой. Это направление представлено важной работой, где ставилась проблема и намечались общие контуры её решения в отношении казачества [2].

Однако задачи исследования таких социально-сословных групп усложняются тем, что большинство из них не были однородны по своему географическому, этнокультурному своеобразию. В преодолении этой методической трудности историки вводили определённые ограничения. Например, А.В. Беляков через этноконфессиональную идентичность представил просопографию Чингисидов в Российском государстве, в которой важную роль играли их стратегии во время Смуты [3]. А.А. Селин предложил другой способ формирования общности –

локально-городской. Такой подход проистекал из обнаруженных им фактов обретения политической субъектности городами/землями в условиях властного вакуума в Смутное время [4, с. 11]. Так было предложено просопографическое исследование новгородского общества в Смуту. По стопам А.А. Селина пошёл и автор этих строк, изучая историю Смуты в псковском локусе и через биографику её героев «второго плана» [5–7]. Внимание к жизнеописаниям представителей управленческих, социальных, локальных, культурно-религиозных «глубинных» общностей объединяет эти направления. А биографика сопряжена с историко-антропологическим осмыслением конкретных представителей больших социокультурных групп в Смутное время.

Потребность в таком рассмотрении Смуты была обозначена ещё в 1994 г. проблемной статьёй Ю.М. Эскина [8]. Подтверждена она была и книгой В.Н. Козлякова «Герои Смуты», где, кроме персонажей первого плана, были прописаны биографии и менее значимых деятелей [9]. В статье А.А. Кузнецова через доказательство своеобразной «демократизации» истории России в Смуту, явления личности как массового социокультурного феномена начала XVII в. в России поставлена проблема изучения этого сложного периода через биографии всех деятелей, независимо от их позиционирования в историографии [10]. Вышеуказанные идеи нашли подтверждение в результатах «прямых и кривых» биографий Смутного времени [11].

Главная проблема биографики Смуты заключается в дефиците источников. Отчасти он компенсируется тем, что через изучение лишь отдельных известных событий в жизни/судьбе того или иного деятеля возможно определить степень его значимости в коллизиях Смуты. Опыт жизнеописания Силы-Пьяного Ивановича Гагарина подтверждает этот тезис.

***

Сила-Пьяной Иванович Гагарин – младший сын князя Ивана Даниловича Гагарина по прозвищу Гусь. Поэтому трех сыновей И.Д. Гагарина (Романа, Григория и Силу) называли Гагарины-Гусевы. Они были потомками основателя средней ветви рода Гагариных – от Юрия Гагарина, сына Михаила Ивановича Гагары (Михаил Гагара – Юрий – Данила – Иван Гусь – Роман, Григорий и Сила).

В роду князей Гагариных имя *Сила* в XVI–XVII вв. было нередким. И чтобы избежать путаницы, надо указать тёзок героя этой статьи. Так, известен Сила Иванович Гагарин, сын Ивана Васильевича Гагарина. Но он принадлежал к первой (старшей) ветви рода Гагариных,

шедшей от Василия Михайловича Гагарина, сына Михаила Гагары (Михаил Гагара – Василий – Иван – Сила). К моменту начала службы Силы-Пьяного этот его полный тезка по каноническому имени, видимо, был уже в преклонном возрасте. В XVII в. известны еще два полных тезки Силы Ивановича Гагарина – из той же старшей ветви от Василия Михайловича Гагарина. Один был сыном Ивана Дмитриевича Гагарина и правнуком упомянутого ранее Ивана Васильевича Гагарина (Михаил Гагара – Василий – Иван – Дмитрий – Иван – Сила). К окончанию Смуты в 1618 г. этот Сила Иванович Гагарин был еще очень молод. Видимо, он указан в разрядной записи за 1633 г. воеводой на Волоке во время Смоленской войны [12, стб. 815]. Племянником ему доводился четвертый Сила Иванович Гагарин. Он в конце царствования Алексея Михайловича вошел в состав Государева двора, стал московским дворянином (в этом чине указан в боярской книге 1675/76 г.) [13, с. 87]. Его связь с основателем рода следующая: Михаил Гагара – Василий – Иван – Дмитрий – Иван – Иван Черный – Сила.

Историки мало писали о Силе-Пьяном Гагарине, поскольку он редко упоминался в источниках. А.П. Барсуков указал на его воеводства в сибирском городе Тара (1606), в Ярославле (1609) и в Переславле-Залесском (1610) [14, с. 461]. В. Корсакова представила события обороны Ярославля под его руководством в 1609 г. и ввела ряд источников по его биографии (но один из них относится к его полному тезке – события 1633 г.) [15, с. 95]. И.Ж. Рындин выявил его прозвищное имя – отсутствующее в родословиях [16, с. 237–250; 17, с. 149–152], имя жены – *Мария* и добавил, что князь был убит в 1612 г. в Тобольске [18, с. 220]. И.О. Тюменцев остановился на участии Силы Гагарина в освобождении Переславля от тушинцев [19, с. 504]. При этом советские и современные исследователи, изучая события вокруг Ярославля в 1609 г., следуют построениям Л.Б. Генкина и не указывают заслуги главного воеводы Силы Гагарина, приписав его успехи второму воеводе Никите Вышеславцеву [20].

Выявляются три основных факта биографии Силы-Пьяного Ивановича Гагарина. Их можно назвать по локусам – «сибирским», «ярославским» и «переславским». Недавно введенные в оборот источники дали сведения по этим событиям жизни Силы Гагарина. Предвосхищая выводы, надо указать, что в этих трёх эпизодах российской истории Сила Гагарин сыграл важную, и недооцененную историографией, роль. Остальные вехи биографии Силы Гагарина реконструируются по косвенным данным.

Упоминание Силы Ивановича Гагарина в числе жильцов в Боярском списке 1588/89 г. [21, с. 207] позволяет датировать его рождение к 1560-м гг. Но принять это предположение мешает то, что в Боярском списке 1602/03 г. Сила-Пьяной Гагарин, со старшими братьями, прописан выборным дворянином из Вереи. Обычно выборных дворян переводили в жильцы, а не наоборот (жильцы по статусу были выше выборных дворян). Хотя бывали случаи, когда за провинности и понижали по службе, и уменьшали поместный оклад. У Силы Гагарина в боярском списке 1602/03 г. поместный оклад записан 400 чети. Напротив его фамилии пометка: «Отослан из Челобитной» [21, с. 287].

Судя по Разрядной книге 1598–1604 гг., в 1603 г. Силу Ивановича Гагарина назначили объезжим головой в Москве. Объезжие головы выполняли функции, связанные с обеспечением безопасности столицы. Одной из задач объезжих голов были борьба с пожарами и их предупреждение: «*Мая с 14 числа были бояре и окольные и головы, и дворяне и дьяки для огней и для всякого береженья... А от Неглинны по Покровскую улицу окольных Яков Михайлович Годунов да объезжие головы Василей княж Григорьев сын Щетинин, да Григорей Давыдов да дьяк Павел Матюшкин. И князь Василей отослан з дворца в письмо, а на его место был князь Сила княж Иванов сын Гагарин да Григорей Давыдов да дьяк Павел же Матюшкин*» [22, с. 153, 155]. Тогда же его старшие братья получили свои первые воеводские назначения в южные города (Роман – в Путивль, а Григорий – в Новгород-Северский).

Сила Гагарин, вероятно, оставался верен царю Годунову, а потому с воцарением Лжедмитрия I в 1605 г. разделил опалу многих родственников и близких бывшего правителя. Так, Лжедмитрий I отправил осенью 1605 г. воеводами в сибирские города: Степана Степановича Годунова – в Верхотурье, Матвея Михайловича Годунова – в Тюмень, Никиту Васильевича Годунова – в Уфу, Ивана Михайловича Годунова – в Пелым, Ивана Никитича Годунова – в Туринск, князя Силу Ивановича Гагарина – в сибирский город Тару. В разрядной записи применительно к нему пропущено слово «воевода»/«голова», хотя у других лиц должность указана. Однако в другой разрядной записи (1606 г.), где перечислены помощники-головы Силы Гагарина, указано, что он воевода, хотя имя его дано с ошибкой: «*Того ж году велено быть на Таре: воеводе князю Василью княж Иванову сыну Гагарину, да головам Василью Иванову сыну Нелединскому да Беззубу Шишкову*» [23, с. 206, 241–242]. То, что здесь допущена ошибка в имени Силы Га-

гарина, позволяют утверждать грамоты царя Василия Шуйского. Там князь – воевода города Тары (подразумевает чин московского дворянина, а не выборного дворянина из Вереи) – несколько раз назван Силой Ивановичем Гагариным. «*От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси в Сибирь в Тарский город воеводе нашему князю Силе Ивановичю Гогарину да головам Василью Ивановичю Нелединскому да Беззубу Шишкову...*». В этих грамотах указан не мифический Василий, а Сила Гагарин, подчеркнуто, что он воевода и к тому же указан с «вичем» (Иванович, а не Иванов сын). В сибирскую пору Силы Гагарина складывается его тандем с Василием Нелединским, отмеченным в вышеуказанных документах. В дальнейшем Сила Гагарина вместе с Василием Нелединским действовали «заодно» во многих событиях Смутного времени.

При отъезде в Тару в декабре 1605 г. Сила Гагарин получил наказ [24, с. 168], подобный тем, что давали воеводам перед отправкой в назначенный город. Это была своеобразная инструкция, что делать при приезде в город, как осуществлять прием-передачу города от прежнего воеводы, как действовать в особых случаях. Учитывая большое расстояние, Сила Гагарин должен был прибыть в Тару в феврале – марте 1606 г. Там он сменил воевод князя Ивана Андреевича Солнцева-Засекина и письменного голову Захара Ивановича Безобразова [22, с. 176]. В Сибирском летописном своде в 1606 г. отмечено, что «*на Таре воевода князь Сила Иванович Гагарин*» [25, с. 142–143].

Тара была молодым городом, основанным государевыми служилыми людьми в 1594 г., за 12 лет до прибытия туда Силы Гагарина. Эта небольшая деревянная крепость располагалась возле устья реки Тара на низком левом берегу Иртыша (в настоящее время Тара – районный центр Омской области в 35 км ниже устья Тары, уже на правом берегу Иртыша, перенесена на современное место в 1669 г.) [26; 27, с. 255–256]. Из Тары совершались в 1595–1598 гг. походы против хана Кучума (походы Григория Ясыря, Бориса Доможирова и последний решающий поход в мае – августе 1598 г. Андрея Воейкова). В итоге, Кучум окончательно был разгромлен.

Пока Сила Гагарин обустроивался в Таре, в Москве в ходе восстания 17 мая 1606 г. погиб Лжедмитрий I. Царём стал Василий Иванович Шуйский, а в центре страны полыхнула гражданская война, началом которой стало с трудом подавленное восстание И.И. Болотникова.

Исследователи, изучавшие «Записную книгу» и Сибирский летописный свод [25, с. 143; 28, с. 123], считали, что Сила Гагарин был вое-

водой Тары лишь в 1606 г. [14, с. 223; 15, с. 95; 18, с. 220]. Однако Е.В. Вершинин «раздвинул» хронологические рамки его тарского воеводства до 1608 г., поскольку тогда, при царе Шуйском, Силу Гагарина сменил на Таре князь Иван Владимирович Кольцов-Мосальский, получивший наказ в феврале 1608 г. [24, с. 168]. В Разрядных записях говорится, что после свадьбы 17 января 1608 г. царь Василий послал 1 февраля воевод в Сибирские города, в том числе «в город в Туру [здесь речь шла о Таре, а не об уральском Туринске. – Я.Р.] воеводы: князь Иван Михайлович Кольцов-Мосальской да Григорей Желябужской» [23, с. 250]. Новые воеводы могли прийти на Тару не ранее мая 1608 г.

Воеводствуя на Таре, где барабинские и другие татары уезда уже признавали царскую власть, платили ясак, Сила Гагарин обнаружил новых кочевников – калмыков. Князь сразу сообщил об этом воеводе Тобольска Роману Троекурову, переславшему тревожную весть в соседние города. В отписке Силы Гагарина, полученной в Тюмени 20 сентября 1606 г., говорилось, что калмыки пришли в ясачные волости Тарского уезда и надо от них ждать нападений и готовиться к их отражению. Воевода Тары «князь Сила Гагарин с товарищи» писали это тревожное донесение в июне – июле 1606 г. (поэтому калмыки могли быть обнаружены в начале лета). Оно могло прийти в Тобольск через 2–3 недели, а потом еще доставлялось из Тобольска в Тюмень [29, № 56, с. 194–195].

Сила Гагарин докладывал о недостатке воинских людей, а от калмыков он «чаёт де... войны». Царь Василий Шуйский приказал воеводам Тобольска, Тюмени и Тары оказывать калмыкам вооруженное противодействие, держа их на удалении от русских пределов. Против калмыков весной 1607 г. вышло объединенное войско из казаков, местных татар и русских «охочих людей». Противник отступил. Позже узнали, что в союзе с калмыками действовали и сыновья Кучума. И против них были организованы ответные походы, в ходе которых были захвачены знатные пленные [29, с. 29]. Возможно, Сила Гагарин, возвращаясь из Сибири, сопровождал каких-то полонённых Кучумовичей.

Получив отпор, калмыки сменили тактику и вступили в переговоры с Силой Гагариным. Сохранилось несколько «московских» документов 1607 г., адресованных воеводам Тары Силе Гагарину, Василию Нелединскому и Беззубу Шишкову. Они касались отношений с калмыками, их присяги Василию Шуйскому, беспешинной торговли. К тому времени в Москве получили несколько донесений из Тары. Одну из таких грамот Сила Гагарин направил в конце

1606 г. в Тобольск, откуда воевода Роман Троекуров переслал ее в Москву (получена в Москве в марте 1607 г.) [30, № 1, с. 21]. Из Москвы отписали, что в случае присяги калмыков царю они должны платить ясак «коньми или верблюдами или коровами» [30, № 2, с. 22–23]. Переговоры с калмыцкими тайшами по поручению Силы Гагарина вел служилый литвин Болдан Бойкач, пеший казак Игнаш Еманаков, служивый татарин Тонатар Кутуков. При их возвращении на Тару в сентябре 1607 г. приехали калмыки и привезли на продажу 550 лошадей. «И те они лошади продают на Таре на платье и на денги и на бумагу пишущую» [30, № 3, с. 24].

Одна из последних известных грамот воевод Тары Силы Гагарина, Василия Нелединского и Беззуба Шишкова от октября 1607 г., в которой сообщались «калмыцкие дела», была получена в Москве в феврале 1608 г. [30, № 3, с. 24–28]. В это же время (февраль 1608 г.) были отправлены грамоты на Тару новым воеводам кн. И.В. Мосальскому, Г.Г. Желябовскому и голове А.Ф. Поленову [30, № 4, с. 28–30]. Видимо, грамота была отправлена им вдогонку. Передача дел новым воеводам Тары была в мае 1608 г., после чего Сила Гагарин и его товарищи отъехали в Москву. С учётом времени на дорогу Сила Гагарин мог добраться до европейской части России в конце лета/осенью 1608 г. Его, вероятно, сразу назначили воеводой в Ярославль, поскольку в конце апреля 1609 г. он был уже там и возглавлял оборону от тушинцев.

Пока не выяснено, как он оказался в Ярославле. Есть несколько вариантов ответов: 1) он был отправлен из Москвы Василием Шуйским в апреле 1609 г., как только царь узнал о переходе Ярославля на его сторону [31, с. 450]; 2) отправлен из Великого Новгорода князем М.В. Скопиным-Шуйским или из Вологды воеводой Никитой Пушкиным (в Новгороде или Вологде Сила Гагарин оказался по приказу Василия Шуйского) вместе с подкреплением для ярославских защитников вскоре после освобождения города от тушинцев; 3) был на стороне тушинцев, а затем перешёл к защитникам Ярославля или присягнул царю вместе со всеми ярославцами (в мае 1609 г. его брат Роман явился из Тушина в Москву к Шуйскому с повинной).

Предпочтителен второй вариант. Поскольку весной 1609 г. царь Василий был почти блокирован в Москве и не контролировал ситуацию в стране, вряд ли он мог отправлять воевод в другие города. Кроме того, в то время возвращение из Сибири воевод, поддерживавших Шуйского, шло через Вологду, а сторонники тушинцев, как воевода Тобольска Троекуров, сразу же ехали к Лжедмитрию II.

С конца апреля до конца июля (см. далее) 1609 г. первым помощником Силы Гагарина в Ярославле был Никита Васильевич Вышеславцев. В самой ранней грамоте воеводы Вышеславцева из Ярославля, отправленной после 7 апреля 1609 г. в Вологду, имени Силы Гагарина еще нет. В грамоте говорилось, что 7 апреля у села Егорьевского под Ярославлем был бой, в котором тушинцы были разбиты царским войском.

Об этом в тот же день 7 (17) апреля узнал тушинский военачальник гетман Сапега, осаждавший Троице-Сергиев монастырь. На другой день его известили уже о наступлении царских войск на Ярославль. В отличие от запертого в Москве царя Василия, к гетману Сапеге своевременно стекалась и фиксировалась в дневнике информация о происходящем в стране. 9 (19) апреля к гетману прибыл из Ярославля бывший тушинский начальник города Самуил Тышкевич, 10 (20) апреля – пан Стрела и пленный Иван Волынский, 11 (21) апреля – тушинский воевода Ярославля Федор Борятинский. Они рассказали о событиях в Ярославле и округе в начале апреля [32, с. 113–115]. Выяснилось, что в ходе «измены» ярославцев польские военные люди, возглавляемые Тышкевичем, были побиты в засеках, а сам Тышкевич ушел «лишь с десятком конных» [33, стб. 151]. Узнав о разгроме войска Тышкевича, остатки тушинского гарнизона Ярославля во главе с местными воеводами князем Федором Борятинским и Богданом Сутуповым бежали. С собой они прихватили сторонников царя Василия Шуйского Ивана Волынского и Третьяка Копнина, «а они во всем Государю явились» [34, № 115, с. 220].

8 апреля, на следующий день после разгрома тушинцев у Егорьевского, ярославцы «князи и дворяне и дети боярские и гости и торговые и всякие люди» встретили освободителей хлебом-солью и присягнули Василию Шуйскому. Известие о переходе Ярославля на сторону Василия Шуйского было отправлено в Москву с Богданом Тургеневым и каргопольцем Захаром Степановым [34, № 128, с. 236–240], а также в Вологду, в Великий Устюг, в Соль Вычегодскую и в Соликамск. Понятно, почему эти грамоты рассылались в данные города. Ополченцы из данных городов активно воевали против тушинцев, и земляки должны были знать об этом. Кроме того, надо было обеспечивать войско оружием и припасами, и победные известия могли помочь в этом деле. В грамотах нет имени Силы-Пьяного Гагарина [34, № 128, с. 236–240; 35, № 230, с. 269–272]. Очевидно, он появился в Ярославле в последней декаде апреля 1609 г.

Гипотеза находит подтверждение в одной из царских грамот от 28 июня 1609 г., адресован-

ных в Ярославль «воеводам нашим, князю Силе Ивановичу Гагарину, да Миките Васильевичу Вышеславцеву, да Евсею Дмитриевичу Рязанову, да подъячему Ивану Озерецкому» [34, № 128, с. 236–240]. Царь, обращаясь к Силе Гагарину и его товарищам, указывал, что именно Гагарин с помощниками писал ему о своем походе из Вологды к Ярославлю («вы, идучи с Вологды в Ярославль»). Если это не обычный традиционный оборот при письме, то понять надо так: Сила Гагарин вместе с другими воеводами участвовал в походе из Вологды к Ярославлю. Прибыв в Ярославль, воеводы сразу стали готовить его к отражению вражеских штурмов, первый из которых произошел 30 апреля.

Воеводы Вологды Никита Пушкин, Григорий Бороздин, Рахманин Воронов, державшие сторону Москвы, знали, что тушинцы не оставят Ярославль в покое. Поэтому они отправили 24 апреля туда подкрепление «с снарядом и с зельем». Эти пушки и припасы Василий Панов с целовальниками вовремя доставили в Ярославль. День спустя к Ярославлю подошло большое вражеское войско под командованием хорунжего Йозефа Будилы и Ивана Наумова. Тушинцы на 4 дня застряли в боях с ярославской заставой на реке Пахна, за 7 верст от города. Эта оборона, у переправы близ двора Спасского монастыря дала защитникам города время для подготовки к отражению врага.

Подробности боев на Пахне описал их участник с тушинской стороны – мозырский хорунжий Йозеф Будила. Он указал, что наступление на город передовые силы тушинцев начали 26 апреля (6 мая), «снявшись из Курбы под Ярославлем». Они на Пахне вверх по течению от заставы возвели мост и начали переправу. Ради этого был организован отвлекающий маневр отряда донских казаков, ярославских и романовских татар под командованием некоего Азана Турка [33, стб. 151–154].

Кроме донских казаков, одну из станиц которых возглавлял атаман Богдан Уразов, в составе тушинских отрядов под Ярославлем были астраханские, царицынские и казанские стрельцы. Возможно, еще со времен восстания Болотникова они покинули свои родные края. Некоторые из астраханских и царицынских стрельцов оказались в Тушинском лагере в 1608 г., после того как три самозванных царевича Август («сын» Ивана Грозного), Осиновик («сын» царевича Ивана Ивановича), Лавр («сын» царя Федора Ивановича) безуспешно осаждали Саратов, а затем Август и Лавр, казнив некоего «царевича» Осиновика, прибыли с этими стрельцами в Тушино. Лжедмитрий II велел повесить этих своих конкурентов-«царевичей» в «Ту-

шине по Московской дороге», а стрельцов наградил («пожаловал») [36, с. 89]. Известно, что эти казаки и стрельцы еще в начале весны 1609 г. были направлены из Тушина в Кострому и Ярославль с Константином Михалковым, сопровождая казну, порох и свинец. В Ярославле, который в то время ещё подчинялся тушинцам, местный воевода «Самойла Федоров Кишкеев» [пан Самуил Тышкевич] оставил их у себя. Они успели повоевать у села Егорьевского 7 апреля, потом вместе с Тышкевичем отступили в Ростов.

И вот эти стрельцы и казаки вновь двинулись из Ростова, чтобы взять реванш и вернуть Ярославль Тушинскому Вору. Под Ярославль их пришло 220 человек. Потом на приступах побили 34 и ранили 24 человека, а 70 казаков попало в плен. После Ярославского похода их осталось лишь 90 человек [35, № 239, С. 281–282]. В донесении Лжедмитрию II они писали о своих заслугах под Ярославлем: «Дрались явственно и бились насмерть, и к приступу ходили, и город взяли, и изменников твоих Государевых многих побивали, и посады выжгли; а иные изменники заперлись в городе, и мы холопы твои к приступу ходили с щитами многижды». После окончательного отступления тушинцев из-под Ярославля они с Лисовским ушли к Кинешме, воевали и там, и под Костромой, Юрьевцем, Решмой, в известном бою с нижегородской ратью Мисюря Соловцова у острова Мамшин потерпели поражение [11, с. 67–73].

На стороне защитников Ярославля на Пахне сражались сибирские и другие астраханские стрельцы, многие из которых, бывшие тушинцы, еще во время боя у села Егорьевского 7 апреля перешли на сторону Василия Шуйского. Так и под Ярославлем проявилась гражданская война.

После боев на Пахне 30 апреля по Углицкой дороге к Ярославлю подошли тушинцы, и утром в понедельник 1 мая они взяли штурмом большой острог. О подробностях этих боёв известно из Отписки воевод Соли Вычегодской в Пермь [34, № 123, с. 228–231] (вычегодцы переслали в Пермь письмо к ним Силы Гагарина). В ней представлена чуть ли не по дням хроника осады. В войске тушинцев, пришедших под Ярославль, оказались «Литовские люди, казаки, Черкасы, Татары, русские изменники». 30 апреля тушинцы сначала «Государевых людей голов с сотнями с заставы столкнули», после чего Сила Гагарин с защитниками города вышли за острог, бились до ночи и отразили все приступы к большому острогу. 1 мая, в пятом часу ночи (от наступления темноты) тушинцы пошли на его штурм с разных сторон и под утро зажгли его возле Власьевских ворот. Не обошлось без измены. Служка Спасского монастыря Гришка

Каловский отворил Семеновские ворота, и тушинцы ворвались в острог, выжгли там посад. Много служилых людей погибло, часть «разбрелась розно». Воеводы «Сила Гагарин да Микита Вышеславцев с товарищи» отступили в меньший острог, «сидят в городе да в меньшем остроге» [34, № 118, с. 223; 35, № 214, с. 252–253], «Вышеславцев и с ним присланный от царя другой воевода Сила Гагарин засели в меньшем остроге, иначе в среднем, которым была окружена внутренность торгового посада, да в городе, иначе в кремле» [31, с. 450]. То есть 30 апреля – 1 мая Сила Гагарин возглавлял оборону города.

В шестом часу ночи с 3 на 4 мая тушинцы пытались взять меньший острог: «И Майя в 3 день пришли воры к меншему острогу всеми людьми и приступали великими приступы, всякими мерами, во весь день и до вечера» [34, № 123, с. 229]. Тушинцы пошли на приступ, используя щиты, огонь, смоляные бочки, приметы (дровяные горы, горящие материалы, факелы), огненные стрелы. Защитники же контратаковали на вылазках. Сражение длилось до полудня 4 мая. Потери тушинцев оказались так велики, что они прекратили осаду и 5 мая отступили по Углицкой дороге. Защитникам города достались трофеи (щиты, приметы, знамена, прапоры). От пленных воеводы Гагарин и Вышеславцев узнали, что возглавлял тушинцев во время штурма Иван Федорович Наумов. Были перехвачены его письма к Лжедмитрию. Эти «многие розрядные письма» из тушинского стана принес ростовский площадной дьячок Тимошка Семенов [34, № 123, с. 228–231]. Однако по дороге потрёпанное тушинское воинство встретило полк атамана Лисовского. Он велел вернуть Ярославль. И 8 мая враг вновь был под его стенами. Теперь тушинцы осторожничали и, ожидая прибытия осадных пушек и подкреплений, блокировали город. «Им Ярославль болнее всех городов» [34, № 123, с. 228–231].

В свою очередь, защитники Ярославля из числа служилых людей из Соли Вычегодской тоже просили прислать им наряд, зелье и ратных людей. Указывали они и на потери: в сотне Григория Носарева осталось 78, Русина Афанасьева Скрыпицына – 57, Архипка Сидорова – 80 человек. Дополняла эти мольбы образная приписка воеводы Силы Гагарина: «Без людей и без наряду и каменный город яма». Он скорбел, что защитники понесли большие потери, «по грехом нашим» многие люди побиты или разбрелись, «у нас с воры драка живет ежечас и ратные люди добре надобны» [34, № 123, с. 228–231].

Тушинский воевода Иван Федорович Наумов писал, что он со своими людьми воевал под Ярославлем вместе с паном Александром

Ивановичем Лисовским и паном Микулинским: «*майя с перваго числа Майя ж по 22 день*». Наумов и его люди «*приступали к городу и к монастырю многожды*», но без осадной артиллерии и новых отрядов пехоты Ярославль взять не удавалось: конные дворяне-тушинцы, служилые татары, стрельцы, не говоря о польской коннице, на штурмы укреплений не идут, они призывали сражаться в поле [35, № 228, С. 268–269].

Будила, описав события 1 мая, сообщил, что, узнав о движении войска Скопина-Шуйского, «*наши принуждены были отступить*» от Ярославля [33, стб. 151–154]. Относительно точного времени ухода Лисовского, Будилы и Наумова из-под Ярославля известно, что уже в конце мая они подавили восстание в Кинешме. Н.И. Костомаров называет дату 22 мая отбытия Лисовского из-под Ярославля к Костроме по просьбе «воровского» воеводы Вельяминова, осажденного в Ипатьевском монастыре галичанами и людьми с «понизовых городов» под командованием Давыда Жеребцова [31, с. 451].

27 мая (6 июня) в лагерь Сапеги приехали гонцы от Будилы и сообщили, что пан Микулинский с войском отступил от Ярославля и находится в селе Великом, а Лисовский с донцами «*пошел выручать от изменников Кострому*» (под изменниками Будила подразумевал восставших против тушинского произвола местных жителей). Видимо, Будила отправил этих гонцов из окрестностей Ярославля 25–26 мая [33, стб. 125]. Часть тушинцев под командованием ротмистра «*Немчина Керенбена с волентари*» отправились к Угличу, а остальные «волентари» ушли в Тушино к Лжедмитрию и к Сапеге, осаждавшему Троице-Сергиев монастырь. Оставшаяся небольшая часть отряда Наумова (23 пошехонца, романовца и вологжанина, 20 ростовцев, 2 ярославца, 2 дмитровца) и отряд пана Микулинского прекратили осаду Ярославля и отошли за 5 миль в Великое село. С таким «войском» они решили оберегать Борисоглебский монастырь, хотя в его разорённой округе негде было взять припасы [35, № 228, с. 268–269].

Оборона Ярославля устояла ещё и потому, что носила поистине всероссийский характер. В ней участвовали сольвычегодцы, пермичи, чердынцы и кайгородцы. И воевода Сила Гагарин «с товарищи» проявили недюжинный талант военных организаторов и сплотили эту массу людей. 13 июня военные руководители Ярославля отправили в Пермь Великую к воеводам Федору Петровичу Акинфову и Науму Романову грамоту, приложив челобитную одного из командиров пермского ополчения Спиридонки Васильева. В ней были и «мартиролог» пермичей, побитых в Ярославле, и список выживших.

Служилые пермские люди просили земляков прислать ратных людей и денег на жалованье. Одновременно Сила Гагарин сообщал о снятии осады Ярославля: Лисовский ушёл в Кострому, другие тушинские отряды – к Ростову. Сразу же Сила Гагарин отправил для защиты Костромы, в помощь воеводе Давыду Жеребцову, часть своих ратных людей. При этом отметил тушинскую угрозу Угличу, тоже нуждавшемуся в новых ратных людях, припасах и деньгах [34, № 125, с. 231–233].

Соликамцы, получив 14 июля от пермских воевод Ф.П. Акинфова и Н. Романова эту грамоту, отправленную Силой Гагариным из Ярославля, собрали 80 рублей денег и отправили их с Богданом Даниловым на жалование землякам, сражавшимся в Ярославле. Они оговорили, что в случае гибели кого-либо из соликамцев, Богдан Данилов должен был на эти деньги нанимать на месте нового служилого человека [35, № 247, с. 294–295].

Благодаря Силе Гагарину, Ярославль из бывшего оплота тушинцев стал одним из центров освободительной борьбы против тушинцев в Верхнем Поволжье. И неслучайно, что именно Ярославль в 1612 г. поддержал нижегородский почин по формированию Ополчения и стал на целых 4 месяца временной столицей страны.

После снятия блокады и прибытия подкреплений из северных городов в Ярославль, отсюда выдвинулись войска в помощь Скопину-Шуйскому к Калязину и защитникам Костромы. А царь, узнав о том, что Ярославлю теперь ничто уже не угрожает, в грамоте от 28 июня распорядился, чтобы эти воеводы, оставив кого-нибудь из них в Ярославле, «*кому ни буди, или Василью Нелединскому, или кому всюю ратью приговорят*», с главными силами шли на помощь Троице-Сергиеву монастырю [34, № 128, с. 236–240; 37, № 4, с. 22–29]. Показательны упоминание одного из помощников Силы Гагарина в Ярославле – Василия Нелединского и указание на то, что решение о назначении главного воеводы, обязанного оставаться в Ярославле, должно приниматься на общем совете войска. Видимо, было решено, что в Ярославле останется Сила Гагарин.

В тот же день, 28 июня, царь отправил другую грамоту, адресованную уже рядовым защитникам Ярославля, среди которых упоминались ратные люди из Вологды, Белоозера, Устюжны, Каргополя, Соли Вычегодской, Тотьмы, Ваги. Двины, Костромы, Галича, Вятки «*и иных розных городов*» старосты, целовальники, посадские и уездные люди, стрельцы и казаки, «*которые ныне на нашей службе в Ярославле*». Царь Василий Шуйский призвал служилых

людей идти на освобождение Троицы и Москвы, и обещал пожаловать *«нашим великим жалованьем, чего у вас и на разуме нет, и службу вашу вовеки учиним памяту»* [34, № 127, с. 235–236; 38, № 184, с. 368–369].

Сила Гагарин пребывал в Ярославле и позже 28 июня 1609 г. Многие документы, отправленные туда в июле, адресованы Силе Гагарину и его помощникам. Одна из таких грамот была написана вскоре после победы над тушинцами под Тверью 13 июля князем М.В. Скопиным-Шуйским. Он сообщал Силе Гагарину подробности сражения [34, № 130, с. 241]. Имеются отписки самих воевод Ярославля за период мая – июля 1609 г. с рассказами о произошедших событиях (в них Сила Гагарин указан на первом месте: *«Сила Гагарин, Микита Вышеславцев да Овсей Резанов, да Иван Озерецкий, челом бьют»*).

Одну из таких грамот – воевод Ярославля Гагарина, Вышеславцева, Рязанова и Озерецкого – получили в Москве 25 июля. В ответ царь, сообщая о победах над тушинцами под Тверью и Коломной, указывал, чтобы они ссылались с Михаилом Скопиным-Шуйским, Федором Шереметевым и выполняли их указания, *«или в сход не мешкая... смотря по тамошнему делу»*, освобождать Ростов или Переславль. Видимо, ярославская служба Силы Гагарина и завершилась вскоре после получения этой грамоты [34, № 132, с. 242–246]. А с упомянутым в ней Переславлем окажется связанной дальнейшая судьба его и напарника по службе в Таре и Ярославле Василия Нелединского.

Но пока ещё Сила Гагарин оставался в Ярославле. В распоряжении историков имеются грамоты июля – августа 1609 г., посланные Силой Гагариным из Ярославля. Одна грамота Силы Гагарина и его помощников Никиты Вышеславцева, Овсея Рязанова и Ивана Озерецкого, направленная в Пермь, была составлена 23 июля 1609 г. Воеводы просили прислать в Ярославль таможенные, кабацкие и всякие денежные доходы для выплаты денежного и хлебного жалования ратным людям [34, № 131, с. 241–242; 35, № 256, с. 303–304]. Другая грамота ярославского воеводы Силы Гагарина и его помощников Овсея Рязанова и Ивана Озерецкого датирована 2 августа 1609 г. Судя по именам отправителей, первый помощник Силы Гагарина Никита Вышеславцев уже убыл из города с ратными людьми «в сход» к воеводе Скопину-Шуйскому в Калязин. А в грамоте, отправленной из Вологды 12 августа 1609 г., уже сообщалось, что по приказу Скопина-Шуйского воеводы Давыд Жеребцов и Микита Вышеславцев с ратными людьми выдвинулись под Борисоглебский монастырь и в Ростов [35, № 252, с. 299].

Эти факты позволяют сделать следующие выводы. Воеводство Силы Гагарина в Ярославле можно продлить до сентября 1609 г. В то время, когда войска Скопина-Шуйского в боях с тушинцами продвигались к Москве, в Ярославле с Силой Гагариным находились только те служилые люди, *«которые остались за осадною росписью»*, то есть для обороны города на случай вражеского нападения. Чтобы поддерживать обороноспособность, Сила Гагарин вновь просил воевод Перми Федора Акинфова и Наума Романова прислать деньги на жалование и ратным людям, и шведским наемникам, находящимся в Калязине [34, № 134, с. 247].

Пока не выяснены имена новых ярославских воевод, назначенных Василием Шуйским после отъезда Силы Гагарина. А в декабре 1610 г., уже при Семибоярщине, король Сигизмунд назначил воеводой Ярославля Матвея Ржевского. Ещё раньше – 25 мая (4 июня) 1610 г. – в грамоте короля Сигизмунда фигурировал ярославский воевода Юрий Дмитриевич Хворостинин [39, № 183-DCXLI, с. 391; № 183-CXVI, с. 335]. Но ведь тогда Ярославль ещё находился в руках «назначенцев» Василия Шуйского, главным из которых был ранее Сила Гагарин. Объяснить это противоречие можно тем, что Ю.Д. Хворостинин – это бывший воевода Ярославля, бежавший к королю под Смоленск. Тогда фраза в королевской грамоте от 4 июня 1610 г. *«Юрью Дмитриевичу Хворостинину, воеводе Ярославскому»* означала просто почетный титул ренегата. А вот Сила Гагарин уже в сентябре 1609 г. сражался против тушинцев в Переславле. Исследователи, считавшие, что Сила Гагарин был воеводой в «Переславле-Залесском» лишь с 1610 г. [14, с. 171; 15, с. 95; 18, с. 220], не учли ряда источников о его службе в этом городе в сентябре 1609 г. Она пришлась на тяжелую и героическую пору в истории Переславля-Залесского.

28 августа (7 сентября) 1609 г. гетман Сапега, не сумев победить Скопина-Шуйского у Калязина, отступил и «стал лагерем у Переславля». 29 августа (8 сентября) лазутчики из-под Калязина сообщили Сапеге, что Скопин-Шуйский уже «переправился на эту сторону со всем войском» и отправил *«шесть тысяч людей, которые должны были ударить на Переяславль седьмого числа в ночь»*. Здесь речь идет об отправке Скопиным-Шуйским к Переславлю отряда С.Г. Коробьина для захвата Переславля и/или восстания в нём: *«Послал князь Михайло Васильевич воеводу Семена Коробьина с ратными людьми к Переславлю Залесскому, чтоб его очистить»*. Гетман принял меры, и рейд С.Г. Коробьина закончился лишь сожжением части посада Переславля [40, с. 15–18].

30 августа (9 сентября) в город явился сам Сапега со своими людьми, «остановился лагере в Переяславской крепости», усилил её гарнизон. Теперь он состоял из гусарской роты пана Стецкевича, казацкой роты пана Терликовского, переславских детей боярских, «немцев», казаков московских и 350 стрельцов. 2 (12) сентября Сапега с войском устремился к Троице-Сергиеву монастырю. Но все дела Сапеги в Переславле пошли прахом: через 5 дней город был освобожден в результате одновременных восстания жителей и штурма извне в ночь с 6 (16) на 7 (17) сентября.

Известие о потере Переславля Сапега получил в тот же день – 7 (17) сентября. Ему сообщили, что «люди Скопина, без предупреждения, передовым отрядом напав, Переяславлем овладели и людей, которых Его Милость (гетман. – Я.Р.) оставил, разгромили, крепость и посад захватили».

Причиной такой легкой победы была беспечность поляков. Гетману сообщили, что они в Переславле «повели себя легкомысленно», выехали из крепости и жили на посаде в удобных домах. Переславцы (как из состава гарнизона, так и посадские) договорились с воеводами Скопина-Шуйского и помогли уничтожить поляков на посаде: «дома свои позамкнувши», вышли за город, соединились с людьми Скопина-Шуйского и привели их к своим домам, где стояли на постое поляки, и вместе их убивали. Поскольку ничего не говорится о самой крепости, то там, видимо, было мало солдат, с которыми без труда справились русские люди из состава гарнизона, стрельцы и дети боярские.

Через день – 10 (20) – сентября к гетману явился слуга из роты пана Терликовского (бежал от «немцев», участвовавших вместе с русскими в захвате Переславля). Он сообщил гетману подробности драмы 8 сентября («18-го числа»). Тогда, через день после захвата крепости, многие пленники были казнены. Вся рота пана Терликовского в ходе боя в ночь с 6 на 7 сентября разбита наголову, а сам он бежал; из гусарской роты пана Стецкевича погибло 12 человек («товарищей»). Погибло и несколько десятков поляков из разных рот, оказавшихся в Переславле (из тушинского лагеря и войска Сапеги, а «также добровольцев, которые своевольно и беспечно развлекались в городе»). Подвергли мучительной казни уже после взятия Переславля (8 сентября) ещё 154 человека [32, с. 163–167]. Эти сведения Сапеги дополняются другими источниками. В одной из разрядных записей говорится, что воеводой, взявшим Переславль, был Семен Васильевич Головин, а в другой – к нему прибавлен немецкий ротмистр

Христошум (Христиан Зомме) [23, с. 17, 53]. Известно, что помощником С.В. Головина и главным героем был Григорий Валуев, который «придоша ночью и Переславль взяша» [36, с. 92]. То есть также подтверждается, что город был взят в ходе внезапного нападения ночью.

Есть резонное мнение, что именно Сила Гагарин сыграл важную роль в освобождении Переславля от тушинцев, после того как Скопин-Шуйский завершил переправу через Волгу и организовал преследование противника небольшими летучими отрядами: «Один из них, которым командовали воевода кн. С. Гагарин и швед Е. Анамунда, появился 8 (18) сентября 1609 г. у Переславля. Местные дворяне, посадские и крестьяне тотчас подняли восстание и перебили солдат, оставленных в городе Я.П. Сапегой» [19, с. 504]. Надо всё же указать, что об участии Силы Гагарина в освобождении Переславля источники молчат. Хотя известно, что уже через неделю после этих событий он был воеводой Переславля. Поэтому он мог быть в войске Скопина-Шуйского, освободившем Переславль.

На фоне молчания источников о князе Гагарине естественным видится дефицит сведений о рядовых участниках освобождения Переславля от тушинцев. Одним из таких героев был новгородец Водской пятины Дмитрий Иванович Зеленин. Именно он отличился в этих событиях, командовал отрядом новгородцев, и его отправили воеводы в качестве сеунщика (от слова *сеунч* – весть о победе) в Москву. Сохранилось два разных источника, в которых говорится о пожаловании Дмитрию Зеленину за службу: «За Переславскую службу, как взяли Переславль Залесский и за литовских людей»... «За службу, за проезд и за сеунч и за переславское дело». Он приехал в осажденную Москву с вестью об освобождении Переславля. 22 сентября 1609 г. Зеленин получил придачу к старому денежному окладу целых 20 рублей и придачу к поместному окладу 100 четей [41, № 136, с. 266–267; 42, с. 316]. Учитывая, что ранее его оклад составлял всего 19 руб., такая придача, превышающая прежний оклад, означала, что в Москве высоко оценили заслуги Дмитрия Зеленина и важность этой новости.

Узнав об освобождении Переславля кн. М.В. Скопин-Шуйский «сам поиде к Переславлю и прииде в Переславль», а потом «в Переславле укрепил осаду и оставя воевод». И в свою очередь, Скопин-Шуйский из Переславля с войсками направился к Александровой слободе [36, с. 92]. Теперь весь уезд перешел под контроль правительственных войск, а через город доставлялось продовольствие для войска Скопина-

Шуйского. Правительственным войскам после взятия Переславля открылась прямая дорога на Александрову Слободу, а затем – к Троице-Сергиеву монастырю.

Одним из этих воевод, поставленных в Переславле, был Сила Гагарин, а его помощником – Василий Нелединский. 17 (27) сентября перебежчики из Переславля и переславский сын боярский Скрипицын сообщили гетману Сапеге, что в городе остались 100 детей боярских, 500 стрельцов и «казаков подымных из разных городов», а воеводой в Переславле – князь Сила Гагарин, а его помощник – Василий «Мелединский» [Василий Иванович Нелединский]; командуют стрельцами «Елизар Анамунда, Иван Большов и третий Василий Гриньков». Лазутчики сообщили гетману, что Сила Гагарин принял все меры предосторожности – всех посадских людей на ночь загоняет в крепость, «из посада караул днем и ночью по городу стоит, весьма остерегаются» [32, с. 163–167].

Было, чего остерегаться. За потерю Переславля мстил уже встречавшийся с Силой Гагариным Лисовский. Он выжигал села и деревни уезда. Против карателей Сила Гагарин и выставил заставы в ключевых пунктах уезда. Поздней осенью 1609 г. начальник одной из таких застав на реке Сулони Богдан Семенов сын Губарев отправлял захваченных пленных литовцев и русских в Переславль к Силе Гагарину и Василию Нелединскому. Эта застава находилась на пересечении Углицкой и Кашинской дорог, в 30 верстах от Троицы, и оборонялась вольными казаками и подымными людьми Переславского и Дмитровского уездов [43, № 88, с. 128–129].

27 февраля 1610 г. в Вологду приехал служка Спасо-Прилуцкого монастыря Федька Иванов. Он пересказал, что ему в Переславле-Залесском говорили воеводы Сила Гагарин и Василий Нелединский: о взятии Дмитрова отрядами Скопина-Шуйского и о бегстве Марины Мнишек от Сапег в «воровские таборы» (через какое-то время она окажется в Калуге у Лжедмитрия II). Победа пришлась на масляное заговейно, в понедельник. Тогда воеводы Б.М. Лыков и Д. Жеребцов взяли в Дмитрове приступом острог (лагерь донцов), захватили 8 пушек [35, № 279, с. 338–339]. Из дневника Сапег известно, что бой под Дмитровом произошел 19 февраля (1 марта). Гетман через неделю сжег оставшееся укрепление в Дмитрове и выдвинулся в Клин, а затем в Иосифово-Волоцкий монастырь [32, с. 189–193].

В одной из разрядных записей под 1610/1611 г. указаны воеводы в Переславле князь Петр Владимирович Бахтияров-Ростовский и Андрей Захарьев Просовецкий [23, с. 107]. Они появились в

Переславле лишь в июле 1611 г. Их туда отрядили руководители Подмосковного ополчения для борьбы против гетмана Сапег [11, с. 333–334]. К тому времени Силы Гагарина уже не было в Переславле. Вероятно, он покинул его вскоре после низложения Шуйского, установления власти Семибоярщины. Тогда осенью 1610 г. во многие города были направлены воеводы, присягнувшие королевичу Владиславу.

Более информации о Силе-Пьяном Гагарине на сегодняшний день нет. Сведения И.Ж. Рындына о его смерти в 1612 г. в далеком Тобольске (он был якобы там убит) [18, с. 220] не подтверждаются. Ясно, что вскоре после службы в Переславле Сила-Пьяной Иванович Гагарин умер. В сентябре 1614 г. уже его вдова Марья просила царя Михаила о какой-то помощи в связи с земельными владениями и двором в городе Ярославле [44, с. 390]. Соответствующая грамота по ее челобитью была отправлена именно в Ярославль местному воеводе, князю Василию Агишевичу Тюменскому. Пошлину с вдовы за эту грамоту не взяли. Так актуализируется связь Силы Гагарина и его жены с Ярославлем.

Детей у них не было: в родословных подчеркнуто, что князь был бездетен. Опять же И.Ж. Рындин привёл имена дочерей Силы Гагарина – «Александра Силична» и «Леонида Силична», упомянутых в 1626 г. [18, с. 221]. Но это результат неверной идентификации. В источниках под 1626 г. читается о старицах Введенского Тихвинского монастыря Александре и Леониде Гагариных, дочерях, но не Силы, а его брата, Григория: «...пожаловали мы...игуменью Огафью да дву стариц княжну Леваниду да княжну Олександру княж Григорьевых дочерей Гагарина с сестрами...» [45, № 142, с. 230–234].

***

Биографические эпизоды деятеля Смутного времени – князя С.И. Гагарина – показательны в историографическом смысле и в отношении постижения Смутного времени. Удаётся провести «сборку» лишь трёх эпизодов его жизни. Они все приходятся на Смутное время в России. Исследователи не знают (пока?), когда родился, женился и умер Сила-Пьяной Гагарин.

«Недосказанность» его биографии подталкивает порой к додумыванию фактов истории князя Силы Гагарина. Выше были приведены примеры такого «внеисточникового знания». Однако имеется и более яркая попытка заполнить лакуны биографии князя. Переславский краевед Михаил Иванович Смирнов (1868–1949) попытался продлить время пребывания Силы Гагарина в Переславле до начала 1612 г. В декабре 1611 г. возникла угроза Переславлю со стороны

полковника Каменского, возглавившего войско Сапеги после его смерти в сентябре 1611 г. И вот тогда «Переславские воеводы князь Сила Гагарин и Василий Нелединский посылали под Ростов ратных людей, чтобы добыть языка и узнать о планах Каменского» [46, с. 8]. Однако в грамоте арзамасских воевод курмышскому воеводе (февраль 1612 г.), на которую ссылался М.И. Смирнов, имена воевод Переславля не приведены [47, с. 17, 22; 48, с. 145, 149]. То есть М.И. Смирнов, выдавая желаемое за историческую реальность, придумал «факт» из жизни Силы Гагарина. На самом деле, осенью 1611 – зимой 1612 г. воеводами в Переславле были князь Василий Романович Борятинский и дьяк Иван Булыгин. Именно к этим воеводам в сентябре и октябре 1611 г. были посланы грамоты от руководителей Подмосковного ополчения и специальные сборщики во главе с Иваном Осеевым и Григорием Постельниковым [49, с. 30, 41]. Прежние воеводы князь Петр Бахтияров-Ростовский и Андрей Просовецкий в это время находились под Москвой. Весной 1612 г. всеми делами в Переславле заправляли казаки атамана Заруцкого, разорившие его посад и окрестности. После обращения жителей за помощью в Ярославль руководители Нижегородского ополчения в мае 1612 г. прислали в Переславль воеводу Ивана Федоровича Наумова с ратными людьми, который «приде в Переславль и казаков отгони и Переславль укрепи» [36, с. 121]. Поэтому нет оснований, чтобы принять эту догадку М.И. Смирнова.

Тем не менее три фрагмента судьбы Силы-Пьяного Иванoviча Гагарина позволяют увидеть его ревностным, инициативным исполнителем державных поручений. Результаты его деятельности тарским воеводой характеризуются долгосрочной перспективой: первые контакты с калмыками, оценка степени их опасности и начало сложного и противоречивого инкорпорирования этого этноса в состав российской государственности.

Оборона Ярославля в 1609 г. стала важным фактором преодоления Смуты через 10 лет. Ярославль вернулся в орбиту московской государственности к лету 1609 г., а нижегородцы несколькими месяцами ранее отстояли свой город от тушинцев и приступили к очищению ближней и дальней округи от противника в радиусе 100–250 километров, приводя к присяге на верность московскому царю отпавшие было города и уезды [50, с. 228–233]. Так одновременно шло формирование очагов сопротивления в Верхнем Поволжье (Ярославль) и на стыке Верхнего и Среднего Поволжья, Нижней и Средней Оки (Нижний Новгород), а также в

северной Вологде. И победа ярославского «сидения» под командованием Силы Гагарина позволила закрепиться Ярославлю в качестве регионального лидера. Причём его оборона приобрела поистине межрегиональный характер – в числе её участников были сами ярославцы, вологодцы, белозерцы, устюжане, тотмичи, каргопольцы, сольвычегодцы, пермичи, кайгородцы, астраханские казаки и др. Их участие было отнюдь не стихийным, о чём свидетельствуют отписки из Ярославля, где упоминались помощь людьми, деньгами, боеприпасами.

В условиях обретения политической промосковской субъектности российскими городами Ярославль стягивал на себя север и северо-восток европейской части России. Владение Ярославлем обеспечило контроль над северными и поморскими городами и за коммуникациями снабжения центра страны. В результате успешных действий воеводы Силы Гагарина Ярославль избежал разорения и в дальнейшем, уже в 1612 г. на несколько месяцев стал базой ополчения Кузьмы Минина и столицей страны, куда с Севера постоянно прибывали подкрепления и припасы. Более восточным центром сопротивления Смуте и верности Московскому царству оказывалась Пермь, которая всячески помогала обороне Ярославля. Так закладывались основы сообщества городов и земель, обеспечивших сохранение и развитие во время Семибоярщины той стратегии, что будет реализована на Земском соборе в феврале 1613 г., и придавших потенциал устойчивого успеха нижегородской инициативе в 1611–1612 гг. Естественно, третьим центром стал Нижний Новгород. Подобные настроения начинали преобладать в Казани, Рязани. И вот эта складывавшаяся межрегиональная структура центров политической субъектности, замкнутая на Москву, отличалась нацеленностью на преодоление деструктивных процессов и восстановление порядка через реставрацию прежних монархических структур. И Сила-Пьяной Гагарин стал в Ярославле двигателем тех начинаний, которые были прерваны низложением Василия Шуйского, но возобновились и набрали силу уже после смерти самого Силы Гагарина.

Удержание же освобожденного Переславля от тушинцев в руках правительственных войск облегчило положение защитников Троицы, которые до этого целый год не получали никакой помощи из Москвы. Переславское воеводство князя, отмеченное ростом успеха промосковских сил под влиянием побед М.В. Скопина-Шуйского, позволяет поставить и не совсем историческую проблему альтернативности. Если бы не преждевременная смерть М.В. Скопи-

на-Шуйского и последовавшая позднее «отставка» царя Василия Шуйского, то события могли бы приобрести совершенно другой характер. С наведением порядка внутри страны, уничтожением тушинской угрозы и относительной консолидацией общества Россия уже со сложившимся союзом со Швецией могла бы выступить полноценным военным противником польско-литовской интервенции. И процесс преодоления Смуты пошёл бы раньше. Тем не менее его возобновление в более неблагоприятных условиях 1611–1612 гг. показывает устойчивость этой тенденции. Руководители Подмосковного и Нижегородского ополчений в 1611–1612 гг. понимали востребованность, значимость и актуальность опыта боёв 1609 г. И важную роль в формировании этого опыта сыграл Сила Иванович Гагарин.

Сила Гагарин показал себя верным сторонником московского царя Василия Шуйского, не переходил из одного лагеря в другой. Силу Гагарина, подобно Смирному Отрепьеву, Перфилию Секирину, Мисюрю Соловцову, Степану Татищеву, можно отнести к «прямым» Смутного времени [11, с. 16–113].

Деятельность этого воеводы явно недооценена современниками и потомками (подразумеваются прежде всего историки). Причина этого заключается в отрывочности проявлений Силы Гагарина в событиях и, следовательно, слабой фиксации их в источниках, Вторая причина – скорый уход его из жизни (нет после Переславля его отчётов о своей службе). И именно соотношение реконструкций событий Смутного времени, где проявился Сила-Пьяной Иванович Гагарин позволяет увидеть в нём важного активного героя той эпохи. Даже в проблемных случаях жизнеописания Силы Гагарина сам процесс их изучения приводит к более глубокому постижению событий Смуты.

Методика «сборки» биографии участника Смутного времени из отрывочных сведений источников, фрагментарной информации исторических исследований, использованная в отношении Силы-Пьяного Иванoviча Гагарина, позволяет говорить о нём как полноценном деятеле Смуты, которого ранее на «исторической карте» эпохи почти и не было. И эта методика, очевидно, будет плодотворной при заполнении истории Смутного времени персонажами, сыгравшими важную роль в событиях и процессах, но забытыми/утраченными в силу восприятия современниками или специфики состояния источниковой базы.

Список литературы

1. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.: Институт российской истории РАН; Тула: Гриф и К, 2009. 788 с.

2. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 272 с.

3. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 510 с.

4. Селин А.А. Столбовский мир 1617 года. СПб.: Блиц, 2017. 382 с.

5. Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Вел. Новгород: НовГУ, 2013. 433 с.

6. Рабинович Я.Н. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков: Псковская обл. тип., 2014. 253 с.

7. Рабинович Я.Н. Южные псковские пригороды в Смутное время. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. 332 с.

8. Эскин Ю.М. Человек Смуты // Знание–сила. 1994. Февраль. С. 29–45.

9. Козляков В.Н. Герои Смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. 349 с.

10. Кузнецов А.А. Личностное измерение Смутного времени в России (к постановке проблемы) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 6. С. 143–156.

11. Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н. «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М.: Квадрига, 2022. 508 с.

12. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные П-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. 1398 стб.

13. Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М.: Типография С. Селивановского, 1853. 514 с.

14. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. 621 с.

15. Корсакова В. Гагарин, князь Сила Иванович // Русский биографический словарь А.А. Половцова: в 33 т. Т. 4: Гааг – Гербель. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. 494 с. С. 95.

16. Долгоруков П.В., князь. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 1. СПб.: Типография Карла Вингегера, 1854. 350 с.

17. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: Дополнение (А–К) / Публикация Л.Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 10. М.: Старая Басманная, 2021. С. 119–272.

18. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 2: Вагины – Гюллинги. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2007. 520 с.

19. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.

20. Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в

начале XVII в. Ярославль: Ярославское областное издательство, 1939. 172 с.

21. Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 506 с.

22. Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории АН СССР, 1974. С. 14–179

23. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М.: издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1907. 343 с.

24. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

25. Сибирский летописный свод (Книга записная): Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи // ПСРЛ. Т. 36. М.: Наука, 1987. С. 138–177

26. Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1981. С. 78–109

27. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. 2. М.: Просвещение, 1983. 399 с.

28. Записки, к Сибирской истории служащие, или описание... // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 3. М.: В типографии Компании типографической, 1788. 487 с. С. 104–288

29. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. Т. 2. 637 с.

30. Русско-монгольские отношения 1607–1636: Сборник документов / Сост. Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 352 с.

31. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII в. М.: Чарли, 1994. 800 с.

32. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611 гг.) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, Н.А. Тупикова, А.Б. Плотников // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава: Древлехранилище, 2012. Т. 9. 456 с.

33. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем Истории ложного Димитрия (из дневника Будилы) / Пер. М. Кояловича // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ): в 39 т. СПб.: Археографическая комиссия; Печатня В.И. Головина, 1872. Т. 1. Стб. 81–364

34. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук: в 4 т. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. 2. 412 с.

35. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб.: Типогра-

фия Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 2 (1598–1613). 471 с.

36. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб.: Издание Археографической комиссии. Типография М.А. Александрова, 1910. Т. 14. 154 с.

37. Берх В.Н. Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб.: В типографии Н. Греча, 1821. 129 с.

38. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: в 4 ч. М.: в типографии Селивановского, 1819. Ч. 2. № 184. С. 368–369.

39. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Т. 4 (1588–1632). СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. 583 с. № 183-DCXLI. С. 391; № 183-CXVI. С. 335.

40. Рабинович Я.Н. Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов: Наука, 2014. 107 с.

41. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М.: Наука, 2003. 490 с. № 136. С. 266–278.

42. Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л.М. Сухотина. М.: Издание Имп. общества истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. 426 с.

43. Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н.А. Попова: в 3 т. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1890. Т. 1 (1571–1634). 811 с. № 88. С. 128–129.

44. Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1994. 477 с.

45. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 3 (1613–1645). 538 с. № 142. С. 230–234.

46. Смирнов М.И. Смутные годы XVII в. в Переславле-Залесском. М.: MelanarĖ, 2004. 18 с.

47. Летопись занятий Археографической комиссии. 1861 год. Выпуск первый. СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1862. 279 с.

48. Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. Изданы Нижегородской УАК. Нижний Новгород, 1912. 603 с.

49. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 5) / Собрал С.Б. Веселовский. М.: издание Имп. общества истории и древностей российских при Московском ун-те, 1911. 242 с.

50. Кузнецов А.А., Морохин А.В. Нижний Новгород в годы Смуты // Восемь столетий нижегородской истории: в 2 т. Т. I: XII–XIX века. Нижний Новгород, 2021. Глава 4. С. 228–233.

**PRINCE SILA-P'YANOV IVANOVICH GAGARIN IN THE VICISSITUDES
OF THE TIME OF TROUBLES (SOURCE STUDY AND HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS
OF THE BIOGRAPHY)**

Ya.N. Rabinovich

The experience of reconstructing the biography of one of the little-known heroes of the Time of Troubles, Prince Sila Ivanovich Gagarin, is presented. All available sources and reliable information from historiography were used for the reconstruction. It was possible to restore three episodes of the prince's biography - Gagarin's service in the Siberian city of Tara, his participation in the defense of Yaroslavl and in organizing the defense of Pereslavl. These episodes are placed in the historical context of the formation of the national liberation movement during the Time of Troubles. The methodological issues of the biography of the Time of Troubles are considered.

Keywords: governor, Time of Troubles, Sila Ivanovich Gagarin, Russian-Kalmyk relations, bit records, defense of Yaroslavl, diary of Yan Sapega, biography.

References

1. Liseitsev D.V. The order system of the Moscow state in the era of Troubles. M.: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Tula: Vulture and K, 2009. 788 p.
2. Stanislavsky A.L. Civil war in Russia of the XVII century. Cossacks at the turning point of history. M.: Thought, 1990. 272 p.
3. Belyakov A.V. Genghisids in Russia of the XV–XVII centuries. Prosopographic research. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011. 510 p.
4. Selin A.A. Stolbovsky world of 1617. St. Petersburg: Blitz, 2017. 382 p.
5. Rabinovich Ya.N. Small towns of the Novgorod land in the Time of Troubles. Vel. Novgorod: NovSU, 2013. 433 p.
6. Rabinovich Ya.N. Small towns of the Pskov region in the Time of Troubles. Pskov: Pskov region type., 2014. 253 p.
7. Rabinovich Ya.N. Southern Pskov suburbs in the Time of Troubles. Saratov: Saratov University Press, 2021. 332 p.
8. Eskin Yu.M. The Man of Troubles // Knowledge is power. 1994. February. P. 29–45.
9. Kozlyakov V.N. Heroes of the Troubles. M.: The Young Guard, 2012. 349 p.
10. Kuznetsov A.A. Personal dimension of the Time of Troubles in Russia (to the formulation of the problem) // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2020. Vol. 162. Book 6. P. 143–156.
11. Kabanov A.Yu., Rabinovich Ya.N. «Straight lines» and «curves» of the Time of Troubles in Russia. M.: Quadriga, 2022. 508 p.
12. Digit books according to official lists thereof, published by the II-th Department of His Imperial Majesty's own Chancery: in 2 vols. St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1855. Vol. 2. 1398 stb.
13. Ivanov P.I. Alphabetical index of surnames and persons mentioned in Boyar books. Moscow: Printing house of S. Selivanovsky, 1853. 514 p.
14. Barsukov A.P. Lists of city governors and other persons of the governor's administration of the Moscow state of the XVII century according to printed government acts. St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasulevich, 1902. 621 p.
15. Korsakova V. Gagarin, Prince Sila Ivanovich // Russian biographical dictionary of A.A. Polovtsov: in 33 vol. 4: The Hague – Gerbel. M.: Printing house of G. Lisner and D. Sobko, 1914. P. 95.
16. Dolgorukov P.V., Prince. The Russian genealogical book published by Prince Peter Dolgoruky. Part 1. St. Petersburg: Printing house of Karl Wingeber, 1854. 350 p.
17. Genealogical paintings submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of the XVII century: Supplement (A–K) / Publication by L.E. Shabaev // Russian genealogy: a scientific almanac. Issue 10. M.: Old Basmannaya, 2021. P. 119–272.
18. Ryndin I.Zh. Materials on the history and genealogy of noble families of the Ryazan province. Issue 2: Vaginas – Gullings. Ryazan: Publishing House of the Ryazan Region Institute of Education Development, 2007. 520 p.
19. Tyumentsev I.O. The Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century: The False Dmitry II Movement. M.: Science, 2008. 686 p.
20. Genkin L.B. Yaroslavl Region and the defeat of the Polish intervention in the Moscow state at the beginning of the XVII century. Yaroslavl: Yaroslavl Regional Publishing House, 1939. 172 p.
21. Stanislavsky A.L. Works on the history of the State Court in Russia of the XVI–XVII centuries. M.: Russian State Humanitarian University, 2004. 506 p.
22. The discharge book of 1598–1604 // Discharge books of 1598–1638 / Comp. V.I. Buganov, L.F. Kuzmina; ed. V.I. Buganov. M.: Institute of History of the USSR Academy of Sciences, 1974. P. 14–179
23. Belokurov S.A. Discharge records for the Time of Troubles. M.: publication of the Institute of History and Antiquities of Russia at the Moscow University, 1907. 343 p.
24. Vershinin E.V. Governor's administration in Siberia (XVII century). Yekaterinburg: Municipal educational and Methodological Center «Developing learning», 1998. 204 p.
25. Siberian Chronicle (Book of records): Siberian Chronicles. Part 1. The group of the Esipovskaya chronicle // CCRC. Vol. 36. M.: Science, 1987. P. 138–177.
26. Evseev E.N. Tara in her first two centuries // Siberian cities of the XVII – early XX century. Novosibirsk: Science: Siberian Branch, 1981. P. 78–109.

27. Magidovich I.P., Magidovich V.I. Essays on the history of geographical discoveries. In 5 vols. Vol. 2. M.: Education, 1983. 399 p.
28. Notes to the Siberian history of employees, or a description... // Ancient Russian Vivliofika. Ch. 3. M.: In the printing house of the Typographic Company, 1788. 487 p. P. 104–288.
29. Miller G.F. History of Siberia: in 2 volumes. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937. Vol. 2. 637 p.
30. Russian-Mongolian relations 1607–1636: Collection of documents / Comp. L.M. Gataullina, M.I. Golman, G.I. Slesarchuk; ed. by I.Ya. Zlatkin, N.V. Ustyugov. M.: Publishing House of Oriental Literature, 1959. 352 p.
31. Kostomarov N.I. The time of Troubles of the Moscow state at the beginning of the XVII century. M.: Charlie, 1994. 800 p.
32. The diary of Jan Peter Sapieha (1608–1611) / Comp. I.O. Tyumentsev, M. Yanitsky, N.A. Tupikova, A.B. Plotnikov // Monuments of the history of Eastern Europe. Sources of the XV–XVII centuries. M.; Warsaw: Drevlekhranishche, 2012. Vol. 9. 456 p.
33. Diary of events related to the Time of Troubles (1603–1613), known as the Story of the false Dimitri (from the diary of Budila) / Tr. M. Koyalovich // Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission (RIB): in 39 t. St. Petersburg: Archeographic Commission; V.I. Golovin Printing House, 1872. Vol. 1. Stb. 81–364.
34. Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition of the Academy of Sciences: in 4 volumes St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1836. Vol. 2. 412 p.
35. Historical acts collected and published by the Archeographic Commission: in 5 vols. St. Petersburg: Typography of the Expedition of procurement of state papers, 1841. Vol. 2 (1598–1613). 471 p.
36. The New Chronicler // The complete collection of Russian chronicles. St. Petersburg: Edition of the Archeographic Commission. Printing house of M.A. Alexandrov, 1910. Vol. 14. 154 p.
37. Berkh V.N. Ancient state letters of commendation and petitions collected in the Perm province. St. Petersburg: In the printing house of N. Grech, 1821. 129 p.
38. Collection of state charters and agreements kept in the State Collegium of Foreign Affairs: at 4 a.m.: in the Selivanovsky Printing House, 1819. Part 2. № 184. P. 368–369.
39. Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission: in 5 vol. t. 4 (1588–1632). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1851. 583 p. № 183-DCXLI. P. 391; № 183-CXVI. P. 335.
40. Rabinovich Ya.N. Korobyin brothers in the service of Russia (1603–1639). Saratov: Science, 2014. 107 p.
41. The People's movement in Russia in the era of the Troubles of the beginning of the XVII century. 1601–1608. M.: Science, 2003. 490 p. № 136. P. 266–278.
42. Quarters of the Time of Troubles. 1604 – 1617 (The Time of Troubles of the Moscow state. Issue 9) / Preface L.M. Sukhotina. M.: Publication of the Imp. Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University, 1912. 426 p.
43. Acts of the Moscow State, published by the Academy of Sciences / Edited by N.A. Popov: in 3 vols. St. Petersburg: Printing House Imp. Academy of Sciences, 1890. Vol. 1 (1571–1634). 811 p. № 88. P. 128–129.
44. Documents of the Printed Order of 1613–1615 / Comp. S.B. Veselovsky. M.: Science, 1994. 477 p.
45. Historical acts collected and published by the Archeographic Commission: in 5 vols. St. Petersburg: Type. Expeditions of procurement of state papers, 1841. Vol. 3 (1613–1645). 538 p. № 142. P. 230–234.
46. Smirnov M.I. The troubled years of the XVII century in Pereslavl-Zalessky. M.: MelanarE, 2004. 18 p.
47. Chronicle of the activities of the Archeographic Commission. 1861. Issue one. St. Petersburg: P.A. Kulish Printing House, 1862. 279 p.
48. Monuments of the history of the Nizhny Novgorod movement in the era of the Troubles and the Zemstvo militia of 1611–1612. Published by Nizhny Novgorod SAC. Nizhny Novgorod, 1912. 603 p.
49. Acts of the Moscow region militias and the Zemsky Sobor of 1611–1613 (The Time of Troubles of the Moscow State. Issue 5) / Collected by S.B. Veselovsky. M.: publication of the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at the Moscow University, 1911. 242 p.
50. Kuznetsov A.A., Morokhin A.V. Nizhny Novgorod in the years of Troubles // Eight centuries of Nizhny Novgorod history: in 2 vols. Vol. I: XII–XIX centuries. Nizhny Novgorod, 2021. Chapter 4. P. 228–233.